Глава 13. Смерть Цуйхуа

Глядя на остывшее тело Цуйхуа, Бу Цинь не мог сдержать нахлынувших чувств. Еще вчера она была полна жизни — так лихо топала, что, казалось, в полу останутся вмятины, — а сегодня лежала неподвижно, навсегда утратив искру жизни.

Заметив, как Бу Цинь тихо утирает слезы, Цзя Динъи холодно бросил:

— Всего лишь выдуманный персонаж. Чего ради лить слезы?

Бу Цинь, всхлипнув, гневно воззрился на него:

— У тебя вообще сердце есть?! Цуйхуа была так добра к тебе, она погибла при таких странных обстоятельствах, а ты даже слезинки не проронил!

— Слезы? Ты слишком чувствителен, господин автор, — голос Цзя Динъи так и сквозил льдом. — Наша жизнь и смерть — лишь плод твоего воображения. Сегодня ты в угоду мимолетной прихоти решил распорядиться судьбой, так стоит ли теперь оплакивать неизбежное?

— Я… — Бу Цинь осекся, уловив в его словах скрытую ярость. Возразить было нечего. Помолчав, он прошептал: — Я не планировал смерть Цуйхуа.

— Видимо, мы слишком ничтожны, чтобы господин автор утруждал себя такими мелочами, — Цзя Динъи сжал кулаки и вдруг криво усмехнулся. — Советую тебе оставить мысли о побеге со старцем Юньцзунем. Иначе… я сам отправлю тебя вслед за Цуйхуа.

Бу Цинь вздрогнул от неожиданности, но Цзя Динъи, не добавив ни слова, резко развернулся и вышел, взметнув полами халата. Бу Цинь вновь перевел взгляд на посиневшее лицо служанки, и сердце его болезненно сжалось. Он вспомнил смерть собственных родителей — то самое чувство абсолютной пустоты, когда из души будто вырывают кусок. Лишь сейчас он по-настоящему осознал, насколько реален этот мир.

Дуань Бучэнь, заметив остекленевший, полный отчаяния взгляд брата, подошел ближе и мягко коснулся его плеча.

— Я знаю, ты был привязан к ней, но не убивайся так. Цуйхуа… лучше поскорее предать ее земле, пусть покоится с миром.

Бу Цинь утер нос и спросил:

— Брат, почему она внезапно решила покончить с собой? Я осмотрел ее нос и рот — там нет ни ила, ни песка. Раз она утонула, она должна была бороться, а в пруду полно грязи. Как она

могла не наглотаться воды?

Поскольку Цзя Динъи почти всё время проводил подле Бу Циня, Цуйхуа больше не нужно было дежурить по ночам. Бу Цинь знал, что в последнее время у неё завязался бурный роман со Слугой В, и они частенько ускользали в сад на свидания.

— Не спрашивай, — отрезал Дуань Бучэнь. — В конце концов, она была лишь прислугой.

Бу Цинь не ожидал от брата такой холодности и уставился на него во все глаза.

Дуань Бучэнь вздохнул:

— Я просто не хочу, чтобы следующим, кто всплывет в этом пруду, оказался ты.

В его словах явно крылся второй смысл, но развивать тему он не стал. Окликнув Цзя Динъи, стоявшего у порога, он велел ему отнести Бу Циня обратно в комнату. Перед уходом он негромко напутствовал:

— Забудь о смерти Цуйхуа, это дело закрыто. Сейчас главное — старец Юньцзунь. Я постараюсь убедить старшего брата дать согласие, но ты ни в коем случае не показывай, как сильно хочешь уехать.

Бу Цинь кивнул, провожая Дуань Бучэня взглядом, и понуро опустил голову. Еще какое-то время он предавался скорби, но старался не выказывать чувств при Цзя Динъи — знал, что тот снова осыплет его насмешками о «беспричинной печали».

Цзя Динъи, глядя на его понурый вид, ощутил нарастающее раздражение. Сел рядом, бесцеремонно приподнял лицо Бу Циня за подбородок и, схватив край простыни, грубо вытер ему нос.

— Хватит реветь, — буркнул он, глядя на покрасневший нос и полные слез глаза «автора». — Собирай вещи. Уйдем, как только стемнеет.

— Почему? — удивился Бу Цинь. — Даже если уходить, надо дождаться похорон Цуйхуа, выждать хотя бы семь дней по обычаю...

— В этом мире нет никаких «семи дней», ее похоронят уже сегодня, — Цзя Динъи, снедаемый тревогой, заставил себя смягчить тон. — Если уйдем ночью, сможем заглянуть к ней на могилу и сжечь поминальную бумагу.

Про отсутствие поминок он нагло соврал, зная, что Бу Цинь плохо разбирается в местных традициях. Но тот стоял на своем:

— Нет, я должен попрощаться со вторым братом. Он был так добр ко мне, я не могу просто исчезнуть, не сказав ни слова.

— Он тебе не брат, а всего лишь строчка в твоей рукописи! — Цзя Динъи вновь закипал.

«Если не уберемся сейчас, ты закончишь так же, как она», — промелькнуло у него в голове. Он был уверен: Цуйхуа погибла не случайно. А что до самоубийства… завтра день, когда подают свинину в соусе, и Цуйхуа скорее бы удавилась сама, чем пропустила такое пиршество.

Покинув комнату Бу Циня, Цзя Динъи незаметно последовал за несколькими слугами, которые выносили тело Цуйхуа из Поместья Дуань. Несчастная была круглой сиротой, и хозяева не потрудились даже с гробом — просто завернули в дешевую циновку.

Он смотрел на её когда-то сильные, натруженные руки, теперь безжизненно свисающие из-под соломы и раскачивающиеся в такт шагам носильщиков. От этой картины в груди разлилась горечь, причину которой он и сам не мог до конца осознать. Он затаился на дереве, дожидаясь, пока люди закончат дела и уйдут.

Слуги явно не горели желанием трудиться: могилу вырыли неглубокую, едва присыпав тело землей. «Прибегут бродячие псы — и поминай как звали», — с тоской подумал Цзя Динъи.

Спрыгнув вниз, он разгреб рыхлую землю и распутал завязки на груди Цуйхуа. Он уже занес короткий клинок, когда почувствовал за спиной резкое движение воздуха. Резко развернувшись, он сделал выпад, но нападавший уклонился. Цзя Динъи уже собирался метнуть нож, но вовремя узнал противника.

— Слуга В, стой! — крикнул он.

Слуга В был в ярости.

— Скотина! — прорычал он. — Она уже мертва, а ты даже над телом решил поглумиться?! Я тебя на куски изрежу!

Он снова бросился в атаку, осыпая Цзя Динъи ударами. Тот видел, что парень действует напролом, ослепленный горем. Ловко подловив его на шаге, Цзя Динъи подсек нападавшего и, скрутив ему руки, прижал к земле.

— Остынь! Я пытаюсь понять, от чего она умерла!

Слуга В замер, в его взгляде промелькнула искра разума.

— О чем ты? Думаешь… Цуйхуа убили?

Отпустив его, Цзя Динъи подошел к телу.

— В пруду полно ила. Если бы она захлебнулась сама, рот и нос были бы забиты грязью.

Он разжал челюсти Цуйхуа, показывая их товарищу.

— Я хочу проверить, нет ли на теле других ран.

Слуга В присмотрелся. Кожа на груди служанки была чистой, без единого синяка.

— Отвернись, — глухо сказал он. — Я сам проверю.

Цзя Динъи не стал спорить о приличиях перед лицом смерти. Он отошел и через минуту услышал голос за спиной:

— Ни единой царапины.

— Если нет внешних повреждений, нужно вскрыть и осмотреть органы...

— Нет! — отрезал Слуга В. — Если хочешь кромсать её, сначала убей меня.

Цзя Динъи вздохнул. Спорить было бесполезно. Вместе они вырыли глубокую яму и бережно переложили туда тело. Слуга В набрал целую охапку фиолетовых трехлепестковых цветов и укрыл ими Цуйхуа.

— Я ведь знал, что она любит не меня, — шмыгнул носом парень. — И знал, что не чета ей. Она была самой красивой, самой доброй и нежной девушкой во всем Поместье Дуань...

Даже в такой момент Цзя Динъи не мог согласиться с тем, что Цуйхуа была эталоном изящества и красоты.

— Каждая минута с ней была счастьем, — продолжал Слуга В, утопая в воспоминаниях. — Она обожала эти цветы. На свидания всегда приносила целую корзину, рассыпала их по кровати, и мы кувыркались в этом море лепестков...

— Хватит, — не выдержал Цзя Динъи. — Вчера вечером она вела себя как обычно?

Парень задумался.

— Она прибежала поздно. От неё пахло этими цветами, но корзинки при ней не было. Она

выглядела напуганной, твердила, что ей нужно срочно сказать что-то Третьему господину. Убежала и больше не вернулась.

Цзя Динъи нахмурился. Попрощавшись со Слугой В, он оставил его оплакивать возлюбленную, а сам поспешил обратно.

Пахла цветами, но была без корзинки… Значит, что-то случилось в лесу, и корзинку она бросила. Она спешила к Бу Циню с какой-то важной вестью, о которой не могла сказать даже любовнику. Что же за тайну она узнала?

Он дошел до пруда. Цуйхуа была крепкой девушкой, если бы её убили в другом месте и тащили сюда, остались бы следы. Но берег был чист. Неужели её убили прямо здесь? Пруд — под самыми окнами флигеля для прислуги. Убийца должен был нанести удар мгновенно и бесшумно, иначе крик услышали бы все.

Значит, Цуйхуа узнала нечто, угрожающее жизни Бу Циня, и её заставили замолчать. Убийца — мастер, не оставивший ни единого следа.

У Цзя Динъи появилось подозрение, но не было улик. Ясно было одно: Бу Цинь в опасности.

Он ворвался в комнату хозяина. Тот лежал, уставившись в потолок. Бу Цинь привык, что Цуйхуа всегда рядом — его ноги не слушались, и он проводил в постели почти всё время. Теперь, когда её не стало, жизнь в четырех стенах казалась ему невыносимо тоскливой.

Цзя Динъи, не говоря ни слова, распахнул шкаф и начал вышвыривать одежду. Затем принялся за ящики, выгребая золото и украшения.

— Ты что творишь?! — вскинулся Бу Цинь.

Цзя Динъи лишь мазнул по нему холодным взглядом, и запал Бу Циня мгновенно испарился.

— Зачем ты всё это достал? — пробормотал он тише.

— Я сказал: мы уходим сегодня.

Не успел он договорить, как за дверью послышались шаги. Цзя Динъи молниеносно сгреб вещи в кучу и накрыл одеялом, но закрыть шкаф и ящики уже не успел.

В комнату вошел Дуань Буи в сопровождении свиты. Окинув взглядом беспорядок, Дуань Чэнь-ши ядовито заметила:

— Третий господин, я вижу, подготовился заранее. Собрал узлы, чтобы поскорее отбыть со старцем Юньцзунем.

Бу Цинь, видя хмурые лица братьев, поспешил оправдаться:

— Где уж мне… Разве я смею мечтать о таком учителе? Я просто подумал, что Пинь-эр скоро уезжает, вот и решил подыскать ему в дорогу что-нибудь ценное, чтобы в пути не нуждался.

— Как ты заботлив, — усмехнулся Дуань Буи. — Что ж, тогда мне спокойнее. Ты отправишься вместе с ним. Юньцзунь согласился взять вас обоих.

Бу Цинь застыл с глуповатым видом, а Дуань Бучэнь тут же подтолкнул его:

— Живо благодари старшего брата! Такая честь — попасть в ученики к самому Юньцзуню. Будешь там присматривать за Пинь-эром, понял?

— Спасибо, брат! — затараторил Бу Цинь. — Уж я за Пинь-эром пригляжу! Буду делить с ним последнюю каплю воды и последний кусок хлеба!

Старший брат кивнул:

— Раз у тебя есть шанс вылечить ноги, я только за. Но племянник твой еще мал, да к тому же болен душой, так что вся забота на тебе.

Когда чета Дуань направилась к выходу, Цзя Динъи, стоявший у двери, приметил одну деталь: в высокой прическе Дуань Чэнь-ши запутался крошечный, уже увядший трехлепестковый цветок.

Дуань Бучэнь задержался, чтобы дать Бу Циню последние наставления. Отослав Цзя Динъи, он понизил голос:

— Защищай Дуань Упиня любой ценой. Если с ним что-то случится — не смей возвращаться. И обо мне забудь.

— Брат… — Бу Цинь почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Это твой единственный шанс выбраться отсюда и встать на ноги. Цени его. Когда поправишься, налегай на боевые искусства. Упинь привязан к тебе, сделай так, чтобы он стал тебе ближе, чем родному отцу. Только когда ты обретешь силу, я смогу…

Дуань Бучэнь не договорил. Тяжело вздохнув, он вышел, заложив руки за спину.

Бу Цинь не успел переварить услышанное, как в комнату вернулся мрачный Цзя Динъи.

— Ты и вправду собираешься ехать с этим стариком?

— Он может вылечить мои ноги и обучить меня. С чего мне отказываться? — резонно возразил Бу Цинь. — Или ты хочешь, чтобы я до конца дней гнил в этой постели калекой?

— Быть калекой — твоя собственная заслуга, — Цзя Динъи снова больно сжал его подбородок, пресекая все попытки вырваться. — Раз уж ты так рвешься на волю… что ж, не обижайся потом.

http://bllate.org/book/17444/1657577